

Печальны лица военных дат

Этот рассказ известный кузбасский прозаик Владимир Мазаев подготовил специально для “Кузнецкого рабочего”. С нашим городом, как вы поймете из рассказа, у Владимира Михайловича связано много. Недавно Мазаев передал нам в подарок книгу повестей и рассказов “Грозная аномалия”, а лет за пять до этого с пожеланиями читателям газеты он подарил книгу “Крутизна”, отрывки из которой мы публиковали, знакомя вас с очень живой и прозрачной прозой Владимира Мазаева. Сегодня мы продолжим знакомство. Тем более что речь пойдет о суровых днях войны, о судьбе ветеранов Великой Отечественной.

Свои первые, самые счастливые четыре года жизни я прожил с отцом и матерью и старшей сестрой Тоней в селе Куртуково. Это под Новокузнецком. Четыре остановки на пригородном... Мой отец, Михаил Ермилович, работал заведующим Куртуковской школой. Он был взят декабрьской ночью 1937-го. Реабилитирован (посмертно) в 1957-м. Было ему 33 года... Мама наша, кинув отнятый у нас дом, перебралась с нами двумя в Новокузнецк, где нас тихо приютили дальние родственники. В сентябре 1941-го, когда на Западе уже вовсю громыхала война, я отправился в первый класс. Все последующие школьные годы и годы студенчества прошли здесь же, в Новокузнецке. Дом, где мы нашли приют, стоял на крутосклоне привокзального района, с прекрасной березовой рощей по соседству. Из наших высоких окон была видна вся разворошенная котловина строящегося “города-сада”, а вдали грудой длинно дымящихся головешек - металлургический комбинат. Но чуть правее всей этой пёстрой и унылой мальчишескому глазу панорамы, за крутобережьем Томи, вставали горы. Над горами в ясные дни таинственно и маняще проступали серебристые облака - снежные горбы Алатау, по-местному “белки”. Там был какой-то другой мир, доступный мальчишке лишь в воображении.

Получив специальность, я уехал из ставшего мне родным города. И вскоре же, с журналистской командировкой в кармане, неожиданно для себя, очутился у самых подножий алатауских белков, которые в детстве манили меня своим романтическим чистым блеском. Мир здесь оказался действительно другим, однако романтикой и не пахло. Пахло скорее людской драмой. Я точно упал с небес на землю. В таежных, приплюснутых снегами посёлках, жило и трудилось (кто вольно, кто поселенцами), к моему удивлению, множество всякого люда. Лесорубы, буровики, проходчики разведочных шурфов и штолен, геофизики и всякие разнорабочие. Многие, если не большинство, вчерашние фронтовики. Это все были люди сложных, часто трагических судеб. В их душах и их биографиях еще свежо, ранимо звучало эхо Великой войны, переплетаясь с эхом политических репрессий. Они увидели в Европе другую жизнь и сами стали другими. А я их глазами

увидел другую войну. И мои со школы вызубренные “10 сталинских ударов” они воспринимали так же, как позднее с иронией восприняли полководческий орден Победы на груди неизвестного им, фронтовикам, “полководца” Брежнева.

Мне удалось подружиться с этими людьми. Я стал их частым гостем, а иногда надолго оставался, “меняя” профессию. Две мои тощие книжки, скрупулезно процеженные цензурой, были об этих людях.

Владимир Аскольдович Власов, узник концлагеря Заксенхаузен под Берлином (кара за два побега из лагеря военнопленных), прошедший полной мерой и наши фильтрационные зоны, возглавлял в 50-70-е годы геолого-разведочные партии в самых что ни на есть медвежьих углах Горной Шории и Кузнецкого Алатау. Это Аскольдович, как все звали его в партии, скупое, но доходчиво первым объяснил мне, зелёному журналисту, разницу между гестаповцами и чекистами: “Те били, чтобы говорил правду, а эти били, чтобы говорил ложь”. Но что всё-таки лежало в сердцевине нашей Победы? Не только же невероятные по своим масштабам жертвы.

В кровавые месяцы подмосковных боев пришло к народу глубинное осознание действительно последней черты. И возникло и объяло страну совершенно особое нравственное поле. Поле единой “почвы и судьбы”.

И народ наш, совсем было сбитый с ног, напрягся - и оттолкнулся от края. Так оживает внезапно дерево, крона которого уже смертельно заломана бурей, но корни еще глубоки и животворны. Германский фашизм был разгромлен. За ценой мы не постояли. Точку ему поставил Нюрнбергский процесс. Это общеизвестно. Не бывало истории тяжелее, чем наша. Вдовья скорбь не утихла еще по убиенным и невернувшимся, как приоткрылась ошеломившая всех жестокая правда волчьих “тридцать седьмых” годов, обезглавивших в самый канун войны нашу армию. Приоткрылась правда и самой войны, но только чуть чуть-чуть, чтобы тут же вновь кануть на три десятилетия в черные дыры спецхранов.

На полке у меня рядом с томиками “Архипелаг ГУЛАГ” кусочек колючей проволоки. Я поднял его несколько лет назад с земляной тюрьмы севернее Мариинска, когда мы, группа писателей, разыскивали могилу узбекского поэта Усмана Насыра, погибшего в здешних лагерях в 1944 году (на потолочных балках-рельсах этого “средневекового” сооружения я увидел надпись “КМК им. Сталина”). Так вот странность какая: проволока вся съедена ржой лет, а жало ее колючек по-прежнему остро, проведешь по ногтю – царапина. Фашизм - он везде фашизм. И никто еще не доказал, что морозы Сибири и Колымы были гуманнее печей Трешлипки и Освенцима.

В могилах воинских захоронений, на дне океана вечности, лежат солдаты Великой войны. Лежат, сосчитанные на круглые миллионы. В шестьдесят пятый раз зелень и цвет весны обнимут братские, уплотненные временем курганы. Уплотнилась над курганами и тишина. И не поминальный звон, не раскаты майских громов, не птичий щебет и не рокот трактора на пахотном поле не помеха этой святой тишине. По городам и весям Сибири стоятobelisks. Они символ и условный знак, скудная наша дань нашей скудной

памяти. Большинство безымянны и немые, на других журавлиными лентами - имена, имена, имена... Сколько на обелиске имён - на столько родных могил осиротел местный погост. И чем больше имен - тем сиротливей погост. Такая вот "смертная связь". И некуда пойти прислониться печалующемуся сердцу, кроме как к этому символу...

Печальны лица военных дат. Даже влитых в скрижали мировой истории. Даже меченных сладким словом "победа". Не многие уже крепко поседевшие фронтовики соберутся на светлых площадях Победы в мае года нынешнего. Жизнь - штука неумолимая. И надо бы что-то сказать им, нашим славным старикам, победителям. Какие-то единственные слова. Но нет у меня слов. Все мои слова для них - бедны, приблизительны. Я могу только помолчать. Но это не будет молчанием мудрости. Простите меня...